

Старцев Абель. Генри Торо и его «Уолден»

1980, источник: Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. 2-е изд. — М., Наука, 1980. OCR: Марсель из Казани, 2006.

1

«Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Торо принадлежит к ярким и памятным произведениям американской классической литературы. И своеобразная личность автора, и страницы его знаменитой книги освещены антикапиталистическими и романтико-утопическими идеями, которые получили значительное распространение в США в 30—40-х годах прошлого века и явились протестом против жестокости буржуазного промышленного прогресса и сопровождающих его социальных бедствий.

Идейными застрельщиками этого антикапиталистического и романтико-утопического протеста были так называемые трансценденталисты¹ — кружок видных представителей американской демократической интеллигенции, группировавшихся первоначально вокруг философа, поэта и публициста Ралфа Уолдо Эмерсона. В «трансцендентальный клуб» входило в разное время от 15 до 20 человек, в том числе деятель американского рабочего движения тех лет Орест Браунсон, видный аболиционист Теодор Паркер, пропагандист передовых педагогических идей в США Амос Олкогт, видный участник американского фурьеризма Джордж Рипли, литературный критик и идеолог женского равноправия Маргарет Фуллер и другие. Из писателей, кроме Торо, к кружку был одно время близок известный американский романтик Натаниель Готорн. Центром трансцендентализма стал Конкорд, маленький городок в Новой Англии, в штате Массачусетс, где постоянно жили Эмерсон и Торо.

Новая Англия — старейшие американские штаты на северо-восточном побережье страны — не случайно стала ареной нового идейного движения. Хотя широкое и стремительное развитие капитализма в США относится к Десятилетиям, последовавшим за гражданской войной 1860-х годов, Новая Англия уже в 40-х годах сильно продвинулась в промышленном отношении, и драматическое столкновение наступающего буржуазно-промышленного уклада с отступающим патриархально-фермерским было достаточно очевидным.

Главное, что тревожило трансценденталистов, была судьба человеческой личности в условиях капитализма, «обесчеловечение», угрожающее человеку при безраздельном господстве буржуазных экономических отношений. «Стяжательство в общественной и частной жизни создает атмосферу, в которой тяжело дышать»², — говорит Эмерсон в своей

известной лекции «Американский ученый», прочитанной в 1837 г. Общая идеалистическая направленность мысли трансценденталистов придавала их заботе о человеческой личности ограниченный, узкий характер. Они радели о «душе» человека, но недостаточно интересовались материальными условиями его жизни. Социальная критика в их журнале «Дайел» («The Dial» — «Циферблат») носила, как правило, очень абстрактный характер и нередко уступала место проповеди нравственного самосовершенствования и философской мистике. Их заставили обернуться лицом к действительности резкие экономические потрясения в американской жизни.

В конце 30-х годов в США разразился тяжелый кризис. Спекулятивная горячка, связанная со строительством новых путей сообщения (железные дороги, каналы), закончилась финансовым крахом. Безработица и массовое снижение заработной платы привели к обнищанию трудящихся. Не менее чем пять лет американской жизни, по крайней мере в восточных районах страны, прошло под знаком экономических бедствий.

Удары кризиса вызвали серьезное беспокойство в умах американских идеологов, разделявших иллюзию будто США неподвластны социальным невзгодам «старой заокеанской родины».

На протяжении «тощих» 40-х годов многие наблюдатели вынуждены были признать наличие бросающихся в глаза ненормальностей в американской жизни. Наиболее вдумчивые из них сочли нужным пересмотреть установившиеся идеализированные представления о путях развития американского буржуазного общества. Американская печать понемногу начала освещать тяжелое положение фабричного пролетариата в США. Большую известность получили тогда описания эксплуатации женского труда в текстильной промышленности Новой Англии. «Я не знаю более печальной картины, чем наши промышленные поселки, когда на рассвете или в обеденный перерыв сотни и тысячи работниц выходят на улицы по звону фабричного колокола. .. Большинство из них губит свое здоровье, душевные силы и нравственность, не добившись даже малейшего улучшения материальных условий жизни»³, — писал в 1840 г. о девушках — работницах Новой Англии Орест Браунсон, один из участников «трансцендентального клуба».

Определенную популярность в 40-х годах в США получают идеи утопического социализма. Великие утописты, начиная с Оуэна, неоднократно обращали свой взор к Америке в поисках базы для социального эксперимента. Их привлекало изобилие свободной земли в США и надежда «оторваться» за океаном от социальных бедствий Европы. В 40-х годах также большой размах получило в США фурьеристское движение, которому не остались чужды и трансценденталисты. Неподалеку от Конкорда они основали в 1841 г. сельскохозяйственную колонию Брук-Фарм, которая в 1844 г. приняла устав фурьеристской «фаланги» (производственно-потребительской ассоциации, из которой, согласно учению Фурье, должно было вырасти гармоническое общество будущего).

По замыслу организаторов и участников колония должна была дать американскому обществу пример разумного и справедливого образа жизни, наперекор окружающим социальным порокам и неурядицам. Колонисты Брук-Фарм занимались сельским хозяйством, обеспечивая также своими силами управление колонией. По вечерам колонисты совместно

читали, обсуждали теоретические вопросы, слушали стихи, музицировали. Идеиная, научно-образовательная и художественная деятельность колонии — одно из наиболее примечательных явлений интеллектуальной жизни США в эти годы. Брук-Фарм просуществовала около шести лет и распалась в начале 1847 г. из-за возрастающих материальных трудностей. К этому времени обозначился общий упадок утопического социализма в США.

Следует отметить, что, хотя Брук-Фарм была в значительной степени детищем «трансцендентального клуба», ряд видных деятелей кружка, в том числе Эмерсон, Маргарет Фуллер и Торо, не приняли участия в фурьеристском эксперименте. Трансцендентализм как идейное направление оставался в своей основе индивидуалистичным и продолжал рассматривать задачу переустройства жизни как совершенствование каждой отдельной личности, осуществляемое собственными усилиями.

Поскольку потрясения американской жизни требовали активного действия, один из самых молодых и горячих членов кружка, Генри Торо, решил воспроизвести социальный опыт Брук-Фарм лично, «в составе одного человека».

Он построил себе хижину в лесу и затворился в ней на два года, живя трудами своих рук и отказавшись от всего, что считал неправильным в современной цивилизации. Практически такое решение проблемы сводилось к уходу из общества, и уолденское затворничество Торо осталось бы лишь историческим курьезом, запоздалой «робинзоной», если бы он не написал о нем книгу, в которой дал острую критику современной американской действительности и выразил стремление к яркой и полной жизни, невозможной для человека в условиях капиталистической цивилизации.

В идейных исканиях кружка трансценденталистов нашел отражение духовный кризис американского общества накануне перехода страны на путь широкого промышленно-капиталистического развития. Америка была чревата второй революцией, войной с южным рабовладением, задача которой состояла в том, чтобы довести до конца буржуазно-демократические преобразования, начатые антифеодальной революцией в XVIII в. Далеко не всем идеологам в США было тогда очевидно, что победа буржуазной демократии, к которой они стремились, подготовит быстрое и безраздельное торжество капиталистического порядка.

Трансценденталисты были экономическими романтиками. Они продолжали надеяться на «средний исход» общественного развития в США, при котором экономические и социальные противоречия буржуазного строя не получили бы антагонистического характера и самостоятельный мелкий производитель, фермер, ремесленник, остался бы основной фигурой американской жизни. Живая связь трансценденталистов с передовой демократической мыслью в США 40—50-х годов сказалась не только в их идейных исканиях и социальных экспериментах, но также в активном участии в аболиционистском движении и поддержке Севера в Гражданской войне с рабовладельческим Югом.

Рассматривая разнородное сочетание крестьянско-утопических, мелкобуржуазно-социалистических, реформаторских и иных элементов в программе трансценденталистов,

нельзя упускать из виду основную тенденцию развития американского общества: неуклонное движение по пути капиталистического прогресса и господствующую роль буржуазной идеологии в США.

После Гражданской войны трансцендентализм быстро сходит со сцены и растворяется в общеполитической идеологии. Его философия становится все более «служанкой филистерства». Орест Браунсон, предсказавший в 1840 г. социальную революцию в США, изменяет рабочему движению и уходит в католицизм. Многие бывшие американские фрунристы кончают свою общественную карьеру как буржуазные либералы. То исторически своеобразное и привлекательное, что выразилось в идеологии и практике трансцендентализма, как бы кристаллизовалось в недолгой жизни и замечательной литературной деятельности Торо.

2

Генри Дэвид Торо (Henry David Thoreau) родился в 1817 г. в Конкорде в семье ремесленника. Его дед со стороны отца был француз с острова Джерси, переселившийся в Америку накануне Войны за независимость; мать Торо была шотландского происхождения. Торо поступил в Гарвардский университет, получив стипендию как нуждающийся студент, и окончил его в 1837 г. Он изучил древние языки, а также немецкий, французский, испанский и итальянский. Античность сразу заняла выдающееся место в духовном мире Торо; позднее он перевел «Семеро против Фив» Эсхила и не раз в своей жизни черпал вдохновение в греческой и латинской поэзии. К университетским годам также относится первое знакомство Торо с произведениями Кольриджа и Карлейля; влияние социальных и этических идей европейских романтических критиков капитализма было общим для всех трансценденталистов.

Вернувшись в Конкорд, Торо сблизился с Эмерсоном и стал младшим членом в кружке трансценденталистов.

Несколько раз в конце 30-х годов он начинал учительствовать, однако вскоре отказался от этого намерения, как и вообще от всякой попытки избрать профессию и обеспечить себе заработок и положение, на которые он мог бы рассчитывать как человек с университетским образованием. Весной 1841 г. Торо переезжает к Эмерсону и живет у него в течение двух лет в качестве ученика, помогая по дому. Он печатает свои первые очерки и стихи в «Дайеле» и время от времени выступает с лекциями перед конкордской публикой.

Помимо чтения и беседований в кружке Эмерсона, Торо вырабатывает собственный метод духовных исканий в форме естественнонаучных экскурсий, уводящих его на лоно природы. Во всякое время года, днем и ночью, в любую погоду Торо проводит часы и целые дни в окрестностях Конкорда, наблюдает природу и заносит свои впечатления и размышления в дневник, постепенно вырастающий в многотомную рукопись, из которой он позже берет материал для своих книг и лекций. Эти «философские» прогулки стали его привычной и необходимой потребностью до конца жизни и выделяли его среди городских интеллигентов, какими было большинство трансценденталистов, как жителя лесов или «бакалавра

природы», по выражению Эмерсона. Сам себя Торо называет «смотрителем ливней и снежных бурь» и «инспектором лесных троп». Близость к природе, проповедуемая европейскими романтиками и их американскими последователями, никогда не была для него лишь метафорой. Вообще Торо как мыслителя и деятеля уже с молодых лет характеризует неуклонное стремление претворить в жизнь каждый принцип, который он считает насущно важным. «Быть философом — значит не только изрекать глубокомысленные сентенции... — пишет Торо в «Уолдене». — Это значит решать некоторые жизненные проблемы не только теоретически, но и практически».

Уехав от Эмерсона, Торо зарабатывает необходимый прожиточный минимум выделкой карандашей в мастерской отца или поденным физическим трудом по найму, посвящая все остальное время литературным занятиям и наблюдениям над природой. Он проникается все большей антипатией к жизненным целям и к обиходу своих конкордских сограждан. Они отвечают ему тем же, считая его чудаком и бездельником. Эмерсон в статье, посвященной памяти своего ученика и друга, набрасывает характеристику Торо, позволяющую легко представить ту неприязнь, какую должна была вызывать эта фигура у буржуазно-обывательской публики.

«... В то время как его сверстники избирали себе профессию, усердно искали каких-нибудь доходных занятий... Торо с редкой решимостью отказался идти по проторенной дороге. .. Он следовал более важному призыву, стремился к тому, чтобы овладеть искусством правильной жизни. Главная его забота была о том, чтобы согласовать свои поступки со своими убеждениями. .. Он не имел специальности, не был женат, предпочитал одиночество, никогда не ходил в церковь никогда не подавал голоса на выборах, отказывался платить налоги, не ел мяса, не пил вина, никогда даже не пробовал курить и, хотя был натуралистом, никогда не пользовался ни капканами, ни ружьем. . . К приобретению богатства у него не было никакого таланта. .. у него не было соблазнов, с которыми нужно было бороться, — ни вожделений, ни страстей, ни склонности к изящным пустякам. . . Ему ничего не стоило сказать нет; гораздо легче для него было сказать нет, чем да... Он не чувствовал ни капельки почтения к мнениям людей или каких-нибудь корпораций, он воздавал дань уважения только истине...»⁴

И в «Уолдене» читаем: «Не надо мне любви, не надо денег, не надо славы — дайте мне только истину. Я сидел за столом, где было изобилие роскошных яств и вин и раболепные слуги, но не было ни искренности, ни истины, — и я ушел голодным из этого негостеприимного дома. .. Я пришел к королю, он заставил меня дожидаться в приемной и вел себя как человек, не имеющий понятия о гостеприимстве. А у меня по соседству был человек, который жил в дупле дерева. Его манеры были истинно королевские. И я лучше бы сделал, если бы пошел к нему».

Весной 1845 г. Торо предпринимает свой опыт правильной жизни. На берегу Уолденского пруда, на клочке земли, принадлежавшей Эмерсону он сооружает себе хижину и остается там жить до осени 1847 г. Вернувшись в Конкорд, он пишет «Уолден», в котором знакомит читателя с проделанным экспериментом.

Основной материал для «Уолдена» ему дали дневниковые записи за два года жизни в лесу. Первый вариант книги был закончен в 1849 г., но не нашел издателя.

Далее Торо расширил «Уолден» почти что вдвое. Он продолжал работать над рукописью вплоть до ее издания в 1854 г.⁵

3

«Когда я писал эти страницы — вернее, большую их часть, — так начинает Торо свою книгу, — я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил на берегу Уолденского пруда в Конкорде, в штате Массачусетс, и добывал пропитание исключительно трудом своих рук. Так я прожил два года и два месяца. Сейчас я снова временный житель цивилизованного мира».

Торо представляет читателям свой опыт как практическую задачу. Как прожить нищему литератору и любителю природы так, чтобы заботы о насущном хлебе не отнимали у него все его время и всю энергию? И Торо, приводя записи своих трат и доходов, доказывает недоверчивым янки, что предприятие его было безубыточным. Деньги, потраченные на обзаведение, он вернул, продав урожай, и сверх того сумел прокормить сам себя, не прибегая к займу. А кроме того, все эти два года он был свободным, единственным, как он утверждает, свободным и счастливым человеком во всем Конкорде, в то время как остальные томились в неволе, безразлично — сознавали они это или же нет.

По мнению Торо, жизнь его современников — это жизнь безумцев, не умеющих отличить хорошее от дурного и гибельное от полезного. «Большинство людей, даже в нашей относительно свободной стране, по ошибке или просто по невежеству так поглощены выдуманными заботами и лишними тяжкими трудами жизни, что не могут собирать самых лучших ее плодов», — пишет он в первой главе книги, называющейся «Хозяйство». И в другом месте еще сильнее: «Я вижу моих молодых земляков, имевших несчастье унаследовать ферму, дом, амбар, скот и сельскохозяйственный инвентарь; ибо все это легче приобрести, чем сбуть с рук. Лучше бы они родились в открытом поле и были вскормлены волчицей. . .».

Накопление собственности и заботы по приумножению ее изнуряют человека и гонят его стремглав по дороге жизни. Он едва успевает опомниться перед смертью и признать, что жизнь его пролетела впустую, говорит Торо. Это происходит со всеми и повсеместно.

«Из города, полного отчаяния, вы попадаете в полную отчаяния деревню и в утешение можете созерцать разве лишь храбрость норки и мускусных крыс».

Торо думает, что зло еще поправимо, если человек добровольно откажется от напрасных забот, которыми отягощает себя. Прежде всего он должен дать себе строгий отчет, в чем он действительно нуждается и что лишнее. Тогда он легко уяснит себе, что лучше всего ограничить свои материальные нужды предметами первой необходимости. Огромная часть того, что

зывается роскошью, и многое из того, что именуется «удобствами жизни», не только не нужны человеку, но «положительно мешают прогрессу людского рода», говорит Торо.

В числе предметов первой необходимости Торо называет пищу, кров, одежду.

Что касается первого, то добыть себе необходимую пищу, живя в лесу в одиночестве, стоит ничтожных хлопот. «Чего еще, спрашивается, желать разумному человеку, — говорит Торо, — кроме хорошей порции кукурузы, сваренной с солью?»

Современное жилище, по мнению Торо, представляет собой нелепое и разорительное сооружение, ни в какой мере не вызываемое потребностями человека, нечто среднее между лабиринтом, музеем, тюрьмой и усыпальницей. «Размышляя над тем, как мне честно заработать на жизнь и при этом не лишиться себя свободы для своего истинного призвания... я часто поглядывал, — пишет Торо, — на большой ларь у железнодорожного полотна, шесть футов на три, куда рабочие убирали на ночь свой инструмент, и думал, что каждый, кому приходится туго, мог бы приобрести за доллар такой ящик, просверлить в нем несколько отверстий для воздуха и забираться туда в дождь и ночью. . . Можешь ложиться спать, когда вздумается, а выходя, не бояться, что землевладелец или домовладелец потребует с тебя квартирную плату».

Торо также с большой похвалой отзывается о вигвамах американских индейцев.

Переходя к вопросу о том, как одеться, Торо раздражается огнем эпиграмм в стиле «Sartor Resartus» Карлейля по поводу порабощения человека его одеждой. «Обрядите пугало в ваше платье, а сами встаньте рядом с ним нагишом, — и люди скорее поздороваются с пугалом, чем с вами», — говорит он. И дальше: «Недавно, проходя мимо кукурузного поля, я увидел шляпу и сюртук, нацепленные на палку, и сразу узнал хозяина фермы. Непогода несколько потрепала его с тех пор, как мы с ним виделись в последний раз».

Торо, однако, не ограничивается этими эпиграммами. Он высказывает глубокую тревогу по поводу того, что предметы первой необходимости становятся недоступными для человека. «Если утверждать, — пишет он, — что цивилизация действительно улучшает условия жизни. . . тогда надо доказать, что она улучшила и жилища, не повысив их стоимости; а стоимость вещи я измеряю количеством жизненных сил, которые надо отдать за нее — единовременно или в рассрочку». Произведя подсчет, Торо приходит к выводу, что рабочий в США должен «истратить большую часть жизни, пока заработает себе на вигвам». Такую же тревогу выдают его заключительные слова об одежде. «Я не могу поверить, — пишет Торо, — что наша фабричная система является лучшим способом одевать людей. Положение рабочих с каждым дчем становится все более похожим на то, что мы видим в Англии, и удивляться тут нечему, — ведь, насколько я слышу и вижу, главная цель этой системы не в том, чтобы дать людям прочную и пристойную одежду, а только в том, чтобы обогатить фабрикантов».

Касаясь критики капитализма у Торо, нужно упомянуть о его знаменательной встрече еще в годы студенчества с Орестом Браунсоном, в то время последователем Оуэна. Как бы Торо ни относился к социалистическим взглядам Браунсона, они должны были произвести на него в то время глубокое впечатление. О шестинедельном пребывании у Браунсона в 1835 г. он

отзывался позднее как об «эпохе в своей жизни»б.

Для Торо не представляет сомнения, что капиталистическая цивилизация строится на костях трудящихся, точно так же в США, как и в Европе. «Роскошь одного класса уравнивается нищетой другого» — так говорит он. Его известное описание железной дороги в «Уолдене» вызывает в памяти «Железную дорогу» Некрасова. «Думали ли вы когда-нибудь о том, что за шпалы уложены на железнодорожных путях? Каждая шпала — это человек, ирландец или янки. Рельсы проложили по людским телам, засыпали их песком и пустили по ним вагоны. Шпалы лежат смиренно, очень смиренно. Через каждые несколько лет укладывают новую партию и снова едут по ним; так что пока одни имеют удовольствие переезжать по железной дороге, других, менее счастливых, она переезжает сама. А когда под поезд вдруг попадает человек — сверхкомплектная шпала, не так положенная, — вагоны срочно останавливают, и подымается шум, словно это — редкое исключение».

«Я с удовольствием узнал, что на каждые Пять миль пути требуется целая бригада людей, чтобы присматривать за шпалами... — добавляет Торо, — ведь это значит, что они когда-нибудь могут подняться».

Жизнь эксплуатируемых ужасает Торо. Он считает, что такая жизнь лишена даже проблеска радости. Но всякое приобщение к благам и радостям жизни за счет других отвратительно для него, и он решительно отказывается от преимуществ жизни эксплуататоров. Разрешению этой альтернативы, которую предлагала современная жизнь и которая исключает для человека возможность жить «как ему хочется» и в то же время «как следует», Торо посвящает свой уолденский эксперимент. Он говорит об этом со страстной убежденностью:

«Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни. .. Я не хотел жить подделками вместо жизни — она слишком драгоценна для этого; не хотел я и самоотречения, если в нем не будет крайней необходимости. Я хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до ее сердцевины. .. свести ее к простейшим ее формам, и если она окажется ничтожной — ну что ж, тогда постичь все ее ничтожество и возвестить о том миру; а если она окажется исполненной высокого смысла, то познать это на собственном опыте...».

Решение, которое предлагает Торо, заключается в следующем: если материальные блага, на которых основывает свой успех современная цивилизация, несут с собой закрепощение человека и ущерб для его духовного мира, то следует отказаться от этих благ, обойтись без них. «Счастлива лиса, оставляющая в капкане свой хвост, — восклицает Торо. — Мускусная крыса, лишь бы освободиться, отгрызает себе лапу». От Торо, как видно, не укрывается, что он предлагает человеку вырваться из тенет, причинив себе некоторое увечье, но он считает, что свобода стоит этой цены. Было бы неправильно все же характеризовать выход, предлагаемый Торо, лишь как аскетическую утопию. Торо протестует против того, чтобы его книга была воспринята как унылая повесть спасающего душу отшельника. «Я не намерен сочинять Оды к унынию, напротив, я буду горланить, как утренний петух на насесте, хотя бы для того, чтобы разбудить соседей», — так пишет он.

Торо считает, что, пойдя по его пути, человек будет вознагражден за утраченные материальные блага вновь обретенным общением с природой; он вернет себе радость и полноту жизненных чувств, отнятые цивилизацией. Значительная часть «Уолдена» посвящена этому положительному содержанию утопии Торо в форме рассказа о его жизни в гармоническом единстве с природой. Эти главы — «Звуки», «Пруд», «Бессловесные соседи», «Весна» и другие — принадлежат к сильнейшим страницам американской и мировой литературы, посвященной живой природе. В них — неумирающая поэзия «Уолдена». Хотя Торо часто и охотно морализирует по поводу своих наблюдений, его отношение к природе носит «языческий» характер непосредственной радости. Звуки, запахи, краски природы в «Уолдене» — подлинное празднество чувств

Иногда Торо как бы отрешается от позиции стороннего наблюдателя, и тогда его описания «изнутри» принадлежат целиком царству природы, словно он сам является ее частью, а не гостем из мира цивилизации.

С не изменяющей ему откровенностью и точностью естествоиспытателя Торо передает пробуждение дикости, атавистического сознания: «Возвращаясь в темноте домой со связкой рыбы и удочками, я увидел сурка, пересекавшего мне путь, и ощутил странную, свирепую радость — мне захотелось схватить его и пожрать живьем».

Обычно, однако, взаимоотношения Торо с миром природы имели дружественный характер. Он любил животных. «Однажды, когда я работал мотыгой в одном из садов поселка, ко мне на плечо уселся воробей, и я почувствовал в этом более высокое отличие, чем любые эполеты», — говорит Торо. Эмерсон в своих воспоминаниях о Торо рассказывает, что рыбы плыли к нему в руки, сурки позволяли вытаскивать себя за хвост из норы и лисицы прятались у него в хижине от охотников.

В специальной главе, названной «Одиночество», Торо оспаривает необходимость общения людей между собой в той форме вынужденного соседствования, которое предлагает современная городская цивилизация. «Мы живем в тесноте, — говорит он, — и спотыкаемся друг о друга... Подумайте о фабричных работницах: они никогда не бывают одни, даже в своих сновидениях». Торо превозносит свое одиночество как естественную форму общения индивидуума с окружающим миром. «Я не более одинок, чем гагара, громко хохочущая на пруду, или сам Уолденский пруд. .. Я не более одинок, чем одиноко растущий коровяк или луговой одуванчик, или листок гороха, или щавеля, или слепень, или шмель. Я не более одинок, чем мельничный ручей, или флюгер, или Полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская капель, или первый паук в новом доме». Торо вводит характерный «космический» мотив: «Отчего бы мне чувствовать себя одиноким? Разве наша планета не находится на Млечном пути?».

Он рисует свою жизнь в лесу как блаженное состояние человека, освобожденного от пут цивилизации. «Бывало, — пишет он, — что я не мог пожертвовать прелестью мгновения ради какой бы то ни было работы — умственной или физической. . . Иногда. . . я с восхода до полудня просиживал у своего залитого солнцем порога, среди сосен, орешника и сумаха, в блаженной задумчивости, в ничем не нарушаемом одиночестве и тишине, а птицы пели вокруг или бесшумно пролетали через мою хижину, пока солнце, заглянув в западное окно,

или отдаленный стук колес на дороге не напоминали мне, сколько прошло времени». «Не сомневаюсь, что моим согражданам это показалось бы полной праздностью, — добавляет Торо, — но, если бы меня судили цветы или птицы со своей точки зрения, меня не в чем было бы упрекнуть».

Неудивительно, что Торо рисует, при случае, город как опасный для посетителя грязный притон, в лучшем случае как нелепое порождение современной цивилизации. «Неподалеку от моего дома, на приречных лугах, жила колония мускусных крыс, — пишет он, — а в противоположной стороне, среди вязов и платанов, жили чем-то всегда занятые люди, и они интересовали меня не меньше, чем если бы то были луговые собаки, сидящие каждая у своей норы или бегающие поболтать к соседям. Я часто ходил туда наблюдать их повадки».

Он описывает такой визит, сатирически «остраняя» его, приняв на себя роль обитателя леса, какой-нибудьмышленной мускусной крысы, попадающей в колонию луговых собак.

«Проходя по поселку, я всякий раз видел этих достойных особ; они либо сидели на лесенке, греясь на солнце, подавшись всем телом вперед и по временам с блаженным выражением оглядывая улицу; либо стояли, заложив руки в карманы, прислонясь к своим амбарам и подпирая их, точно кариатиды. Они — постоянно на улице и ловят все носящиеся в воздухе слухи... Я заметил, что главные жизненные органы поселка— это бакалейная лавка, пивная, почта и банк. .. Дома расположены так, чтобы лучше всего видеть приезжих... чтобы всякий путник прошел сквозь строй, а каждый мужчина, женщина и ребенок мог его ударить. Разумеется, дорожке всего стоили места в начале ряда, где лучше всего видно и где сами они были видны и могли нанести первый удар... Большой частью мне отлично удавалось избежать этих опасностей. . . потому что в подобных случаях я обычно не церемонился и пользовался любым лазом в изгороди. Или же я врвался в один из домов, где меня хорошо принимали, и, выслушав все новости последнего помола — узнав, каковы виды на войну и мир и долго ли еще продержится свет, — пробирался задами и скрывался в лесу».

Эта неумеренная идеализация отшельничества на лоне природы и столь же пристрастная критика всех форм общежития людей, хотя в целом они и отражают индивидуалистическую тенденцию Торо, не должны все же рассматриваться как «программное» заявление. Было бы неосторожно полностью отождествлять героя книги с личностью автора. Хотя Торо и выступает в книге от своего лица, «Уолден» как литературное произведение имеет два плана: это не только дневник автора, озабоченного социальными проблемами современной американской жизни, но также и романтическая утопия, в центре которой стоит протестующий герой-индивидуалист, склонный к самым крайним полемическим обобщениям.

4

Полемический характер носят, как правило, и крайности Торо, когда он выражает протест против некоторых материальных и духовных сторон современной цивилизации. Об этом свидетельствует и то, что он облакает свои наиболее резкие нападки в форму прямых парадоксов. Характеризовать Торо как последовательного опрошценца, противника

прогресса и культуры было бы несправедливо.

В антиурбанизме Торо выразилось характерно-романтическое недовольство теми изменениями в человеческой личности, которые сопровождают индустриальный прогресс. Карлейль и консервативное крыло европейских романтиков, отрицая капитализм, обращают свой взор к ушедшему феодальному прошлому, которое они идеализируют как «природный» порядок, якобы обеспечивающий нормальные условия развития человеческой личности. Торо черпает свое вдохновение из иного источника. Он идеализирует примитивный уклад жизни и натуральное хозяйство американского фермера-пионера в период, предшествовавший установлению буржуазно-промышленного порядка. Он обращает свой взор также к «естественному человеку» просветителей XVIII в., к американскому индейцу и внимательно изучает те пережитки родового строя в его обиходе и в жизни индейской общины, которые считает не утратившими интерес и значение.

Уолденская утопия Торо — фермерская антикапиталистическая утопия, «очищенная» от собственнических и косно-патриархальных элементов. Она имеет резко индивидуалистическую окраску, и это ограничивает ее социальный масштаб. Тем не менее утопия Торо выражает протест против приносимого капитализмом антагонистического отделения деревни от города, физического труда от умственного; она направлена против нездоровых черт промышленного прогресса при капитализме и сопровождающей его физической и духовной деградации личности.

Подобно Уитмену и в отличие от европейских романтических критиков капитализма, Торо не имеет серьезных моральных или эстетических возражений против машины. Он допускает резкие выпады против промышленного прогресса главным образом потому, что считает, что этот прогресс слишком дорого обходится человечеству. Однако он готов поэтизировать мощь и дерзание человеческой мысли, выразившиеся в машине. «Когда мне встречается паровоз с вагонами... — пишет он, — когда облако пара вьется над ним золотыми и серебряными кольцами... точно этот стремительный полубог, этот тучегонитель готов увлечь за собой все закатное небо... когда... железный конь громовым фырканием будит эхо в холмах, сотрясает своей поступью землю и пышет из ноздрей огнем и дымом (хотел бы я знать, какой крылатый конь или огненный дракон попадет в нашу новую мифологию), — мне кажется, что явилось наконец племя, достойное населять землю». Однако он прибавляет: «Если бы облако, висящее над паровозом, было дыханием героических подвигов... тогда стихии и вся Природа радостно сопутствовали бы человеку во всех его делах». Таким образом, речь у Торо идет преимущественно об освобождении промышленного прогресса от «корыстных» целей, о том, чтобы обратить его на благо людей, и здесь ход его мысли соприкасается с ходом мысли идеологов утопического социализма. Эпиграмматическое замечание Торо: «Человеку вовсе не обязательно добывать свой хлеб в поте лица — разве только он потеет легче, чем я» — имеет не только одно лишь значение призыва довольствоваться малым. Он ратует за создание таких условий, при которых человек не был бы обременен непосильным трудом, в ущерб развитию своего духовного мира. Двойственность в отношении Торо к современной цивилизации характерным образом выражена в противоречии между его похвалой торговле в «Уолдене» («торговле присуща... уверенность... бодрость, предприимчивость и неутомимость») и дневниковой записью, где говорится: «Торговля налагает проклятие на все, к чему прикасается: хотя бы вы торговали

посланиями с неба»⁷. В первом случае торговля выступает у Торо как всемирный обмен продуктом, великое достижение общественного разделения труда, во втором — как средство присвоения частновладельческой прибыли, характерное явление эксплуататорской цивилизации.

В своем моральном аспекте утопия Торо обращена против предрассудков, условностей и лицемерия буржуазно-бюрократического общества, против всемогущества его канонов в умах людей. Она сохраняет и здесь характерные индивидуалистические черты, однако — в этих пределах — требует от индивидуума решительного разрыва с ложной системой духовных ценностей.

«...Пусть приходят к нам люди и уходят, — говорит Торо в «Уолдене», — пусть звонит колокол и плачут дети, — мы проведем этот день по-своему. Зачем покоряться и плыть по течению?.. Отвернитесь и велите привязать себя к мачте, как Одиссей. Если засвистит паровоз, пусть себе свистит, пока не охрипнет.. . Если зазвонит колокол, зачем спешить на его зов? Прислушаемся сперва, что это за музыка, да и музыка ли вообще... Покрепче утвердимся на ногах. Под грязным слоем мнений, предрассудков и традиций, заблуждений и иллюзий, под всеми наносами, покрывающими землю в Париже и Лондоне, Нью-Йорке, Бостоне и Конкорде, под церковью и государством, под поэзией, философией и религией постараемся нащупать твердый грунт... Будь то жизнь или смерть — мы жаждем истины. Если мы умираем, пусть нам будет слышен наш предсмертный хрип, пусть мы ощутим смертный холод, а если живем, давайте займемся делом».

Уже говорилось, что было бы неверно сводить идейный мир Торо к полемическим парадоксам «Уолдена». Внимательный анализ его практической деятельности показывает, что и его взгляды на жизнь не укладываются в рамки индивидуалистической утопии, которую он построил в «Уолдене», имеют более широкую базу и более крупное общественное значение.

Торо неоднократно подчеркивал, что, критикуя господствующий порядок, он не имеет в виду защиту какой-либо общественной реформы, но только отстаивает личное самосовершенствование индивидуума. Известно и то, что, подобно Эмерсону, он относился критически к коллективным социально-преобразовательным опытам в духе Брук-Фарм. Правда, он мотивировал свою точку зрения главным образом соображениями практической целесообразности. «То, что истинно для одного, несомненно, остается еще более истинным для тысячи... — говорит Торо в «Уолдене». — Но... тот, кто едет один, может выехать хоть сегодня, а кто берет с собой спутника, должен ждать пока тот будет готов, и они еще очень нескоро пустятся в путь».

Долгое время он в самом деле чуждается общественных начинаний и отказывается от участия в каких бы то ни было организациях.

Первое выступление Торо, связанное с борьбой против рабовладельчества, относится ко времени его уолденского уединения. В знак протеста против войны с Мексикой, которая велась американским правительством в интересах плантаторов Юга, Торо демонстративно отказался платить подушный налог и был заключен в тюрьму. Он пробыл в тюрьме только

сутки — кто-то внес за него недоимку, и Торо освободили. Очень известный, если и не вполне достоверный рассказ гласит, что Эмерсон, прогуливаясь, увидел своего друга в городской тюрьме за решеткой. «Генри, почему вы здесь?» — спросил он в изумлении. «Уолдо, почему вы не здесь?» — ответил ему Торо.

В самом деле, в статье «О гражданском неповиновении» (On Civil Disobedience , 1849), написанной после этого эпизода с неуплатой налога, он говорит, что «в государстве, где несправедливо заключают в тюрьму, подлинное место для справедливого человека — в тюрьме»⁸.

Торо развивает здесь общую рационалистическую критику государственности в духе соответствующих мотивов «Рассуждения о политической справедливости» Уильяма Годвина. Как и у Годвина, эта критика имеет у него анархо-индивидуалистическую тенденцию.

Торо готов признать, что оснований для открытого возмущения в Америке в данный момент больше, чем в канун войны американцев за независимость. Он заявляет о своем решительном несогласии с политикой американского правительства и объявляет всякую связь с ним «позорной». Мотивируя отказ уплатить налог, он разъясняет: «У меня нет охоты — даже если бы это и представлялось возможным — следить за своим долларом, пока на него купят человека или купят ружье, чтобы убить человека»⁹.

Тем не менее его выводы пока что только сводятся к рекомендации «гражданского неповиновения», отказа сотрудничать с правительством, пока оно не перестанет действовать в интересах рабовладельцев.

Крайнее обострение политической борьбы в США на протяжении 1850-х годов, когда вопрос о борьбе против рабства стал вопросом жизни и смерти для американской буржуазной республики, вынудило Торо отказаться от доктрины пассивного сопротивления и выступить против реакции. Если его действия и в эти годы продолжали по большей части быть действиями одиночки, то его позиция делала его бесспорным участником крайней левой партии американских революционных демократов.

Толчком для Торо послужил принятый конгрессом США в 1850 г. закон «О беглых рабах», который обязывал власти Северных нерабовладельческих штатов ловить беглых негров-невольников и передавать их на Юг. Под впечатлением очередной выдачи рабовладельцу-плантатору негра-невольника (это было известное дело схваченного в Бостоне раба из Виргинии Антони Бернса) Торо произнес в 1854 г. публичную речь под вызывающе-демонстративным названием «Рабство в Массачусетсе» (Slavery in Massachusetts), приурочив ее специально ко Дню независимости США. Речь Торо была немедленно перепечатана лидером аболиционистов У. Л. Гаррисоном в его «Либерейторе» и Хорэйсом Грили в «Нью-Йорк дейли трибюн».

«Я жил весь последний месяц... охваченный чувством громадной, неизмеримой потери, — говорит Торо. — Сперва я не мог понять, что со мной. Потом понял — я потерял родину»¹⁰.

Торо говорит, что жизнь утратила для него свою привлекательность. Поблекли обычные интересы, отпали любимые занятия. Он горько жалуется на обывательское бездействие и

политическую трусость своих сограждан из Северных штатов, которые позволили рабовладельцам учинить насилие над всей страной. «Я с изумлением вижу, что люди идут по своим делам, как будто бы все по-старому, — восклицает Торо, — я говорю себе: "Несчастные! Они, наверное, не слышали что случилось"»¹¹.

Торо заканчивает призывом перейти к активной борьбе. Он был человеком, который не ограничивается словами. Назовем важнейшие факты практической борьбы Торо с рабовладением в 50-х годах. Они говорят за себя. Весной 1851 г. бостонский суд возвратил рабовладельцу схваченного в Бостоне негра-невольника Томаса Симса. Узнав об этом, Торо записал в дневнике свой протест (использованный им в дальнейшем для речи «Рабство в Массачусетсе»).

Осенью в том же году Торо прятал у себя дома беглого негра, прибывшего с письмом от бостонских аболиционистов. Об этом имеется запись в его дневнике: «5 часов дня. Только что отправил с канадским поездом беглого невольника, назвавшегося Генри Вильямсом. . . Он был здесь с нами, пока удалось собрать нужные деньги... Сперва я решил посадить его в поезд на Барлингтон, но, когда пришел на вокзал за билетом, наткнулся на незнакомца, сильно смахивавшего на бостонского полицейского, и не стал рисковать...»¹².

Летом 1853 г. Торо опять укрывает невольника. Мемуарист (Монкьюр Конуэй) вспоминает, как глубоко он был тронут заботой Торо о больном, обессилевшем негре¹³. Дом семьи Торо, как и некоторые другие дома в Конкорде, служил «станцией» созданной аболиционистами нелегальной «подземной железной дороги», по которой беглых негров из Южных рабовладельческих штатов переправляли на Север и далее — в Канаду. По свидетельствам современников, Торо за эти годы участвовал в нелегальной переправке невольников, «более чем кто-либо другой в Конкорде». Он лично отвозил беглецов на вокзал и в случае надобности сопровождал до следующей «станции».

В 1857 г. состоялось знакомство Торо с приехавшим в Конкорд Джоном Брауном, уже вступившим на путь вооруженной борьбы с рабством. Рассказ Брауна о кровавой войне фермеров-аболиционистов с плантаторами в Канзасе произвел на Торо глубокое впечатление. В 1859 г., в канун своего прогремевшего на весь мир выступления в Гарперс-Ферри в Виргинии, Браун снова прибыл в Конкорд, чтобы встретиться с конкордскими аболиционистами.

На другой день после казни захваченного южанами Брауна Торо помог отправить в Канаду Фрэнка Мэрриама, одного из двух спасшихся от расправы сподвижников Брауна, за которым шла по пятам федеральная полиция. Через несколько месяцев после того он участвовал в выручке от насильственного ареста Франклина Сэнборна, конкордского учителя-аболициониста, тоже причастного к делу Брауна.

Большого было бы трудно требовать даже от человека, формально принадлежащего к какой-либо аболиционистской организации.

Самыми важными публицистическими выступлениями Торо в канун Гражданской войны надо считать три его речи, посвященные восстанию Джона Брауна: «В защиту капитана

Джона Брауна» (A Plea for Captain John Brown),

«После кончины Джона Брауна» (After the Death of John Brown) и «Последние дни Джона Брауна» (The Last Days of John Brown).

С первой из них Торо выступил 30 октября 1859 г., когда Браун стоял перед трибуналом рабовладельцев, приговор которого заранее был предreshен, и перепуганная аболиционистская пресса молчала, не смея его защищать. Не слушая ни уговоров друзей, ни возражений противников, Торо сам созвал митинг в Конкорде, на котором и произнес свою знаменитую речь. 1 ноября он повторил эту речь в Бостоне и 3-го в Вустере.

2 декабря Торо выступил в Конкордской ратуше, на гражданской панихиде по Брауну. Эта речь начинается так: «Последние шесть недель Джона Брауна, как сверкающий метеор, прочертили тьму нашей жизни. Ничего столь чудесного не знала доселе наша страна...»¹⁴.

Третью речь он написал летом 1860 г. в связи с погребением тела Брауна на родине, в штате Нью-Йорк.

Восстание Джона Брауна было для Торо не только призывом к беспощадной борьбе с рабством негров на Юге, но в то же время как бы моральным осуждением всего, что было ему столь ненавистно в современной американской цивилизации, — эгоизма, стяжательства, стремления пользоваться благами жизни за счет другого. Подчеркивая свою духовную близость к Брауну, Торо называет отважного фермера-революционера «трансценденталистом более чем кто-либо». «С ним было мало народа, — говорит Торо, — потому что мало где можно найти людей, которые в силах выдержать подобное испытание. Но каждый из них, сложивших свои головы за бедных и угнетенных, был тщательно отобранным человеком, отобранным из многих тысяч, если не миллионов; это были люди непоколебимых принципов, редкой отваги, глубокой гуманности, готовые в любую минуту пожертвовать жизнью для блага своих собратьев людей»¹⁵.

Дальше он добавляет с сарказмом и горечью: «Нет сомнения, это были самые достойные люди, которых можно было найти для виселицы. Лучшей оценки им не могла дать наша страна. Она давно уже жаждала жертв и многих повесила, но ни разу еще не вешала так удачно»¹⁶. Проблема допустимости или недопустимости насилия в борьбе с социальным злом, занимавшая столь видное место в морально-философских раздумьях Торо в период «Уолдена», решается им теперь отчетливо в пользу революционного действия.

«Невольничий корабль плывет, нагруженный погибающими людьми... — говорит Торо в той же речи. — Команда из рабовладельцев удушает четыре миллиона людей, запертых в трюмах. А политические деятели проповедуют нам, что единственный верный путь, чтобы узники получили свободу, это "постепенное распространение гуманных чувств", лишь бы без "взрыва"... Так что же за всплески я слышу? Что там швыряют за борт? Это тела мертвецов.

Они обрели обещанную свободу. Так вот, значит, путь, которым мы будем распространять гуманность и прочие благородные чувства»¹⁷. Дальше Торо пишет: «[Браун] учил, что человек вправе совершить насилие над рабовладельцем, чтобы спасти раба. Я с ним

согласен». И дальше: «Я не хочу никого убивать и не хочу быть убитым, но я предвижу обстоятельства, при которых и то и другое станет для меня неизбежным»¹⁸. К началу Гражданской войны в США Торо был уже тяжело болен и не мог участвовать в политической жизни страны. Весной 1862 г. он умер от туберкулеза легких. Это было невосполнимой потерей как для американской литературы, так и для американской общественной мысли.

5

При жизни Торо был мало известен. Доход его от литературных занятий был небольшим и случайным. Уже будучи автором «Уолдена», он продолжал зарабатывать поденным трудом, главным образом землемерной работой.

Предшествовавшая «Уолдену» первая книга Торо «Неделя на Конкорде и Мэрримакке» (*A Week on Concord and Merrimack River*), изданная им в 1849 г. на свои средства и вызвавшая восторженные отзывы Эмерсона и Олкотта, не имела успеха у публики. Из общего тиража в тысячу экземпляров книгопродавец отослал семьсот с лишним назад автору («У меня библиотека в девятьсот томов, более семисот из которых я написал сам», — с не лишенным горечи юмором отмечает Торо в своем дневнике). Успех «Уолдена» был ограниченным. В 60-х годах усилиями друзей Торо были посмертно изданы некоторые из его статей и речей и несколько книг, посвященных американской природе, продолжающих по своему жанру линию «Уолдена». Главные произведения Торо и его обширные дневники вошли в 20-томное (так называемое Уолденское) собрание его сочинений, вышедшее в 1906 г. Из неизданного литературного наследия Торо следует упомянуть обширные записи, посвященные американским индейцам, плод более чем десятилетней работы, материал для задуманной книги²⁰.

Привлекательность прозы Торо во многом обязана его достоинствам как публициста: темпераменту, меткости сатиры, остроумию полемики. Однако стиль Торо имеет также менее заметные внутренние особенности, получившие первостепенное значение для дальнейшего развития американской литературы. Отчасти движимый пафосом естественнонаучного описания, Торо достигает высокой языковой точности, конкретности и простоты и в этом отношении является одним из предшественников новейшей американской реалистической прозы.

Общественный протест в «Уолдене», как уже было показано, порой ограничен индивидуалистической тенденцией автора. В книге встречаются также страницы, где Торо не чужд морально-философским хитросплетениям своих друзей-трансценденталистов. При всем том в «Уолдене» много блистательной критики буржуазного собственничества и эксплуататорской буржуазной морали. Черты «чуждества» в личном облике и в литературно-общественной позиции Торо, отражающие известную провинциальность американской интеллектуальной жизни XIX столетия, не должны заслонять замечательных положительных черт его нравственного облика, позволивших ему стать одним из наиболее стойких противников «американского образа жизни» своего времени.

Громкая слава Торо начинается в XX столетии, когда «Уолден» (как несколько позже и «Моби Дик» Германа Мелвилла) был наконец признан в США классическим произведением американской словесности. Если буржуазные американские социологи усиленно превозносят индивидуализм Торо, «анархичность» и недоверие к политике, в значительной мере оспоренные им же самим к концу жизни, то писатели антикапиталистического направления, начиная с Теодора Драйзера, убедительно показывают ценность протеста Торо для передовой американской культуры.

Добавим, что в наши дни, когда вопросы взаимодействия культуры и природной среды приобрели небывалую актуальность и общемировое значение, мы с особым вниманием обращаемся к книгам писателей прошлого, воспевавших единство человека с природой.

Почетное место в ряду этих книг принадлежит «Уолдену» Торо.

Примечания

1 Наименование трансценденталисты было дано кружку его критиками, высмеивавшими крайнюю отвлеченность стремлений («за границами чувственного познания») и несколько выперенную литературную манеру членов кружка. Те, однако, оставили за собой это название, но вложили в него иной, гуманистический смысл, направленный против вульгарно-буржуазного, утилитарно-практического подхода к действительности.

2 Emerson R. W. Works, London, 1913-1914. vol. 3. p. 390.

3 См .: Commons Gohti R. History of Labour in the United States. New York, 1921, vol. 1, p, 495.

4 Emerson R. Ш . Works, vol. 4, p. 263—266, 275.

5 См .: Shanley J. L. The Making of Walden. University of Chicago Press , 1957. В приложении дан первоначальный, «малый» вариант «Уолдена».

6 The Correspondence of Henry David Thoreau. Edited by Walter Harding and Carl Bode. New York, 1958, p. 19, Письмо к О, Браунсону от 30.XII 1837 г.

7 Дневники Торо цитируются по наиболее полному (хотя и несколько устаревшему к настоящему времени) двадцатитомному (Уолденскому) собранию его сочинений: Thoreau H. D . The writings . Boston ; New York, 1906, vol. VIII. p. 319-320 (запись от 19.VII .1851 г .).

8 Публицистика Торо цитируется по указанному изданию его сочинений: Thoreau H. D . The Writings , vol . IV , p . 370.

9 Thoreau H. D . The Writings , vol . IV, p. 380.

10 Thoreau H. D. The Writings, vol, IV, p, 405.

11 Ibid ., p . 406.

12 Ibid ., vol . IX , p . 37—38 (запись от 1. X 1851 г.).

13 См.: Stolhr Leo. After Walden. Stanford University Press , 1957, p . 135—136.

14 Thoreau H. D. The Writings, vol. 4, p, 432.

15 Ibid., p. 420.

16 Ibidem.

17 Thoreau H. D. The Writings, p. 423—424,

18 Ibid ., p , 433—434,

19 Thoreau H. D. The Writings, vol. 11, p . 460 (запись от 28.X 1853 г.).

20 Howarth W. L. The Literary Manuscripts of H. D. Thoreau, Ohio State University Press, 1974, p. 294—301.

Версия #5

Зверобой создал 25 декабря 2025 02:34:29

Зверобой обновил 8 января 2026 14:21:01